

Г. Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

КАЛИНИНГРАДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

с о д е р ж а н и е

Принцесса на горошине	3
Новый наряд короля	5
Стойкий оловянный солдатик	11
Дикае лебеди	17

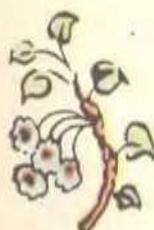
Г. Х. АНДЕРСЕН

Сказки

рисунки

В. Конашевича

Калининградское
книжное
издательство
1973

Перевод с датского

А. Ганзен

Печатается по изданию Г.-Х. Андерсен. Сказки. М., изд-во «Детская литература», 1971.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил однажды принц. И пришло ему время жениться. Он хотел взять себе в жёны непременно принцессу, да не какую-нибудь, а самую настоящую.

Он объехал весь свет, но так и не нашёл себе невесты. Принцесс-то было много, да как узнать, настоящие они или нет?

Так и вернулся наш принц домой ни с чем и загоревал: уж очень ему хотелось жениться на настоящей принцессе.

Однажды вечером поднялась сильная буря. Засверкала молния, загремел гром, а дождь полил, как из ведра.

Вдруг кто-то постучал в ворота дворца, и старый король пошёл открывать.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа! Вода ручьями стекала с её волос и с платья прямо на туфельки. Бедняжка была такая мокрая, как будто её только что вытащили из реки.

И всё-таки она уверяла, что она-то и есть самая настоящая принцесса.

«Ну, это мы сейчас увидим», — подумала старая королева, но не сказала никому ни слова. Она пошла в спальню, сбросила с кровати все тюфяки и подушки и положила на голые доски горошину. А потом накрыла горошину двадцатью тюфяками да ещё двадцатью перинами из гагачьего пуха.

На эту постель и уложили принцессу спать.

Утром её спросили, хорошо ли она спала.

— Ах, очень плохо! — сказала принцесса. — Я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Бог знает что за постель у меня была! Мне казалось, что я лежу на булыжниках, и теперь всё тело у меня в синяках. Ах, я спала очень, очень плохо!

Тут все поверили, что она и в самом деле настоящая принцесса.

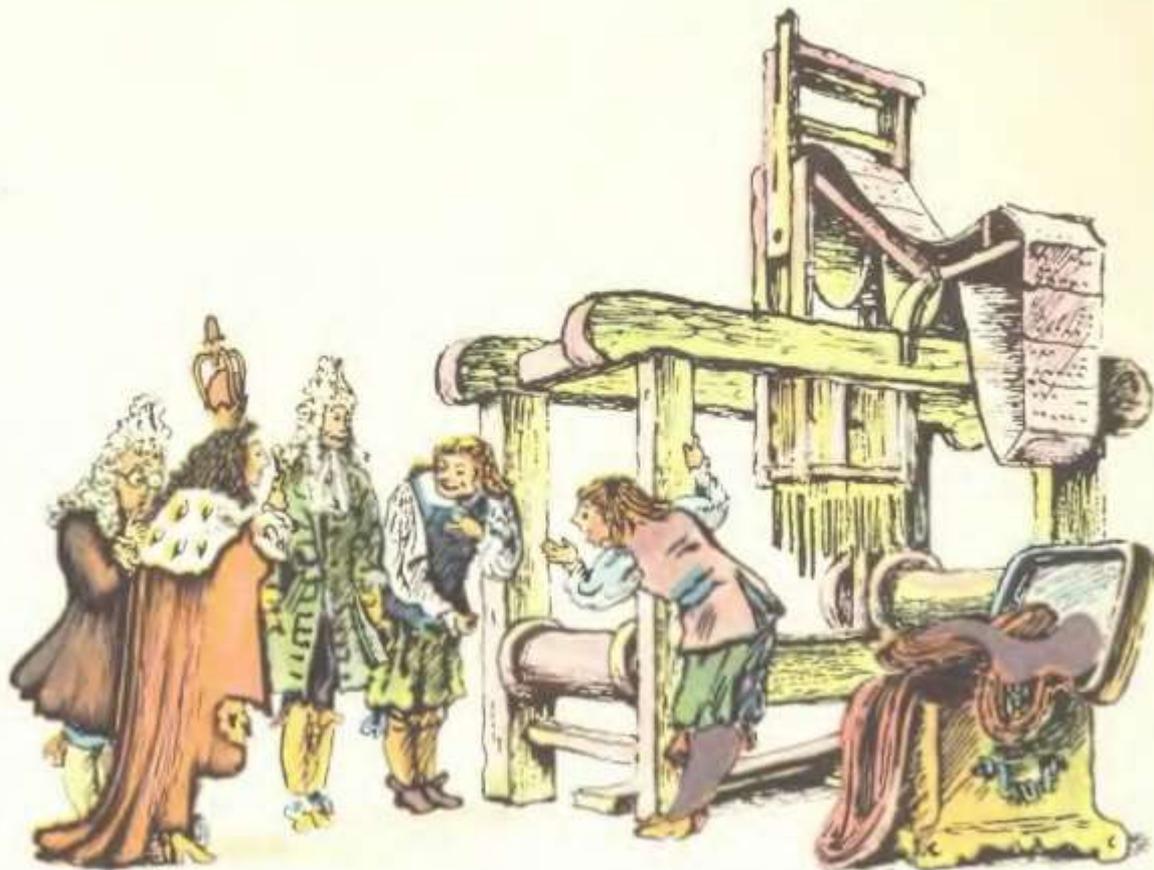
Ведь она почувствовала маленькую горошину сквозь двадцать тюфяков и двадцать перин! Только настоящая принцесса могла быть такой неженкой.

И принц женился на ней.

А горошину отправили в музей. Там она и до сих пор лежит, если только кто-нибудь не взял её.

Да, вот какие дела бывают на свете!

НОВЫЙ НАРЯД КОРОЛЯ

авно-давно жил на свете король. Он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги. Он устраивал парады, загородные прогулки, каждый день ходил в театры только для того, чтобы показаться в новом наряде. Король переодевался каждый час, и один наряд был у него лучше другого. Про других королей часто говорили: «Король совещается с министрами», а про этого короля только и было слышно: «Король переодевается».

В королевской столице жилось очень весело. Почти каждый день туда приезжали иностранные гости. И вот раз в столицу приехали двое

обманщиков. Обманщики говорили, что они знаменитые ткачи и что они умеют изготавливать такую чудесную ткань, лучше которой ничего нельзя себе представить. Эта ткань отликает самыми яркими красками и расшита самыми красивыми узорами. Но кроме всего этого, она обладает чудесным свойством: её могут видеть только умные люди. Ни глупец, ни человек, который не годится для своей должности, этой прекрасной ткани не увидит.

«Вот это хорошо, — подумал король. — У меня будет новое красивое платье, да вдобавок я узнаю, кто из моих министров даром получает жалованье, кто умён, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят эту замечательную ткань!»

И он дал обманщикам большой задаток и приказал им сейчас же приняться за работу.

Обманщикам отвели во дворце большую комнату, и они поставили там два ткацких станка, уселись за них и стали делать вид, что усердно работают. А у самих на станках ровно ничего не было — ни одной нитки, ни кусочка ткани. Каждый день обманщики требовали для своей работы тончайшего шёлку и чистого золота. Всё они прятали в свои карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

И вот как-то раз король захотел посмотреть, как подвигается у ткачей дело.

Но тут он вспомнил о чудесном свойстве ткани, и ему стало как-то не по себе. Конечно, ему-то нечего бояться за себя, но... всё-таки пусть сначала посмотрит кто-нибудь другой.

«Пошлю-ка я к ним моего честного старого министра, — подумал король. — Уж он-то увидит эту ткань: он умён и с честью занимает своё место».

И вот старый министр вошёл в комнату, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Вот тебе раз! — подумал министр. — Я ведь ничего не вижу!»

Но вслух он этого не сказал.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему рисунок и краски. Они показывали на пустые станки, и бедный министр, как ни тарашил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

— Неужели я дурак? — прошептал министр. — Вот уж чего никогда не думал! Упаси боже, если кто-нибудь узнает про это! А может быть, я не гожусь для своей должности? Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани.

— Что же вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это очень мило! — ответил старый министр, глядя сквозь очки на пустой станок. — И узор красивый, и краски превосходные. Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и наперебой принялись расхваливать узоры на своей ткани.

Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это королю. Так он и сделал.

С этого дня обманщики стали требовать ещё больше шёлку и золота. Все карманы у них были полны дорогими товарами, а на работу они не истратили ни одной ниточки.

Через несколько дней король послал к ткачам другого министра. И с ним произошло то же, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, смотрел, и сбоку заглядывал, и снизу, но ничего, кроме пустых станков, так и не высмотрел.

— Ну, как? Нравится ли вам? — спросили его обманщики, разводя руками в воздухе, как будто бы они поддерживали тяжёлую ткань.

«Конечно, я не глуп, — думал сановник, — но тогда, значит, я не на своём месте? Вот так штука! Но нельзя же в этом сознаться!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и восхищаться чудесными узорами, которых не было.

— Очень хорошо, очень мило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о чудесной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться этой диковинкой, пока она ещё не снята со станка. С целой свитой придворных и вельмож король отправился к ткачам. В королевской свите были и те два министра, которые уже побывали у обманщиков. А обманщики между тем сидели в своей комнате и изо всех сил ткали на пустых станках.

— Превосходно! Не правда ли? — сказали первые два министра. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок, какие краски!

И они тыкали пальцами в пространство, думая, что все остальные действительно видят прекрасную ткань.

«Что это значит? — подумал король. — Я ничего не вижу! Но ведь это ужасно! Неужели я дурак? А может быть, я не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

А вслух он сказал:

— О да, это очень недурно. Вполне заслуживает моего одобрения.

И король с довольным видом кивал головой. Королевская свита глядела во все глаза, но видела не больше своего повелителя. И всё же придворные повторяли в один голос:

— О, это прекрасно! Это восхитительно! — и советовали королю сшить себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

Король пожаловал обманщикам ордена и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей. Они притворялись, что снимают ткань со станков и кроят её большими ножницами. А потом они стали шить новое платье короля иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Наутро король в сопровождении всей своей свиты явился за новым платьем.

Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, и приговаривали:

— Пожалуйте, ваше величество, вот панталоны, вот камзол, а вот кафтан. Прелестный наряд! Легкий, как паутина. Вы даже и не почувствуете, что надели его.

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видели, да и видеть-то было нечего.

— Сдоблаговолите теперь раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом, — сказали обманщики королю. — Мы оденем вас.

Король снял старое платье, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него то панталоны, то камзол, то кафтан. Они притворялись, что застёгивают пуговицы, завязывают банты, а потом они широко взмахнули руками, как будто набросили на плечи короля королевскую мантию.

А король вертелся перед зеркалом и оглядывал себя то с одного бока, то с другого.

— Ах, как идёт это платье королю! Как чудесно оно сидит на нём! — шептали придворные. — Какой рисунок, какие краски! Роскошный наряд!

— Балдахин его величества у дверей! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит на мне это платье?

И он подошёл поближе к зеркалу и ещё раз оглядел себя с головы до ног. Все ведь должны были видеть, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф королевской мантии, притворились, будто поднимают что-то с полу, и пошли за коро-

лём, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что нести-то было нечего.

И вот процессия двинулась.

Король шествовал под роскошным балдахином, а народ, толпившийся на улицах, говорил:

— Ах, какой наряд! Какая роскошная мантия! Как это платье к лицу королю!

Ни один человек не сознался в том, что ничего не видит, никто не хотел прослыть глупцом или признать, что он ни на что не пригоден.

И вдруг какой-то маленький мальчик крикнул:

— А король-то голый!

— Ах, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец. — Ребёнок есть ребёнок. Он всегда для своей должности годится. Значит, он говорит правду.

И все стали шёпотом повторять:

— А ведь это верно! Король-то голый!

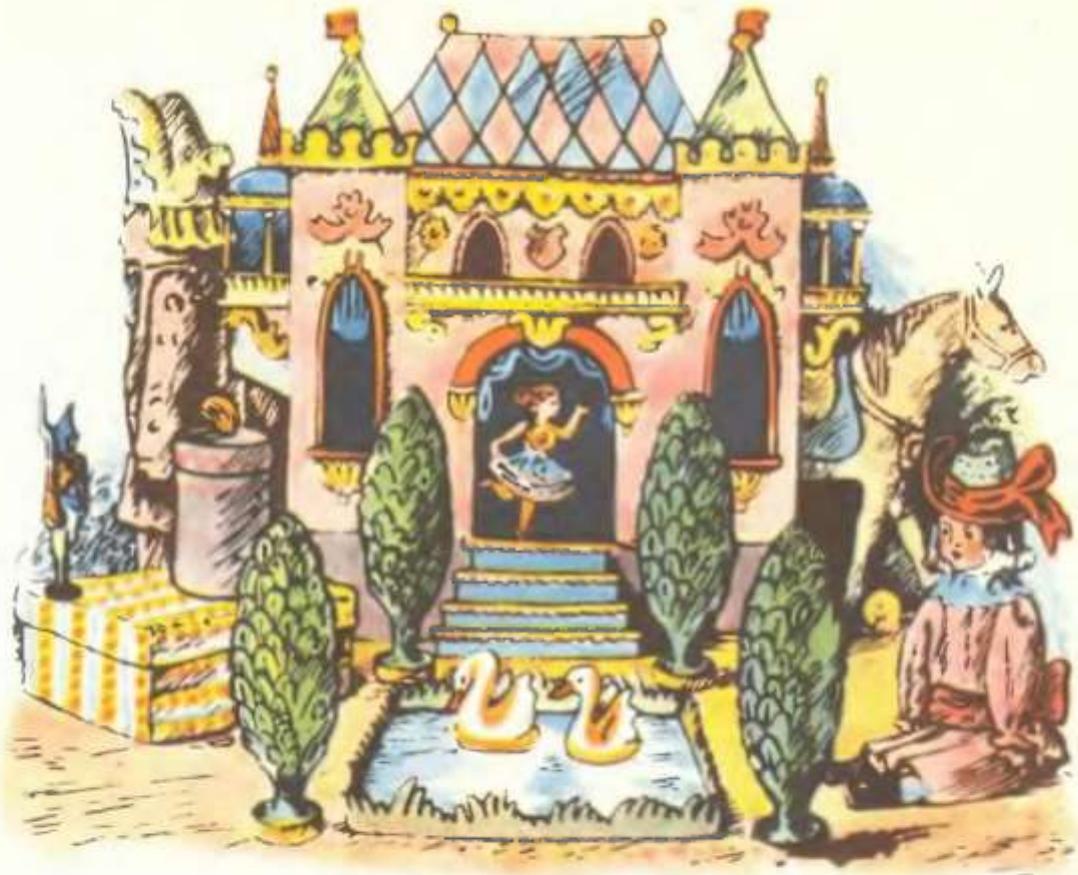
— Голый король! Голый! — вдруг громко закричал весь народ.

И королю стало жутко.

«Не может быть, чтобы все были дураки! — подумал он. — Значит, меня обманули и я действительно голый. Но что же делать — надо идти дальше».

И голый король ещё величавее зашагал под своим балдахином, а камергеры шли за ним и несли шлейф, которого не было.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков. Все они были сыновьями одной матери — старой оловянной ложки — и, значит, приходились друг другу родными братьями. Они были очень красивы: ружьё на плече, грудь колесом, мундир красный с синим. Чудо что за солдатики!

Они лежали, все двадцать пять, в картонной коробке. В ней было темно и тесно. Но вот однажды коробка открылась.

— Ах, оловянные солдатики! — закричал маленький мальчик и от радости захлопал в ладоши.

Ему подарили оловянных солдатиков в день его рождения.

Мальчик сейчас же принялся расставлять оловянных солдатиков на столе. Двадцать четыре солдатика были совершенно одинаковые, а двадцать пятый солдатик был одноногий. Его отливали последним, и олова немножко не хватило. Впрочем, он и на одной ноге стоял так же твёрдо, как другие на двух. Вот с этим-то солдатиком и произошла замечательная история, которую я вам сейчас расскажу.

На столе, где мальчик расставил своих солдатиков, было много разных игрушек. Но лучше всех игрушек был чудесный картонный дворец. Сквозь его маленькие окна были видны все комнаты. Перед самым дворцом лежало зеркальце. Оно было совсем как настоящее озеро, и вокруг этого зеркального озера на деревянных подставках стояли маленькие зелёные деревья. По озеру плавали восковые лебеди и, выгнув длинные шеи, любовались своим отражением.

Всё это было прекрасно, но всего милее была девушка, стоявшая на пороге в широко раскрытых дверях дворца. Она была тоже вырезана из картона; на ней была юбочка из тонкого батиста, на плече — голубой шарф и на груди — блестящая брошка, такая большая, как голова самой девушки. Красавица стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей. Другую ногу она подняла так высоко, что наш оловянный солдатик совсем не заметил этой ноги и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он сам.

«Вот бы мне такую жену! — подумал оловянный солдатик. — Да только она, наверно, знатного рода. Вон в каком прекрасном дворце живёт. А мой дом — простая коробка, да ещё набилось нас в эту коробку целых двадцать пять солдат. Нет, ей там не место! Но познакомиться с ней всё же не мешает».

И солдатик притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Поздно вечером всех оловянных солдатиков, кроме одноногого, — его так и не могли найти — уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. И вот, когда наступила тишина, игрушки сами стали играть в гости, в войну, а потом устроили бал. Оловянные солдатики стучали в стенки коробки — они тоже хотели выйти поиграть, да никак не могли приподнять крышку. Даже шелкунчик принялся кувыркаться, а грифель пошёл плясать по грифельной доске. Поднялся такой шум и гам, что в клетке проснулась канарейка и тоже заговорила, да притом ещё стихами.

Только солдатик и танцовщица не двигались с места. Она по-прежнему стояла на одной ножке, вытянув руки вперёд, а он застыл с ружьём в руках, как часовой, и не сводил глаз с красавицы.

Пробило двенадцать. И вдруг — щёлк! — раскрылась табакерка.

В этой табакерке табак никогда не держали, а сидел в ней маленький чертёнок. Он выскочил из табакерки и оглянулся кругом.

— Эй, оловянный солдатик! — крикнул чертёнок. — Чего ты уставился на плясунью? Она слишком хороша для тебя.

Но оловянный солдатик притворился, будто ничего не слышит.

— Вот ты как! — сказал чертёнок. — Ну, погоди же до утра!

Утром, когда дети проснулись, они нашли одноногого солдатика за табакеркой и поставили на окно.

Вдруг окно распахнулось — чертёнок ли это напроказил или просто потянуло сквозняком, кто знает? Но только одноногий наш солдатик полетел с третьего этажа вниз головой — да так, что в ушах зашвистело. Минута — и он уже стоял на улице вверх ногами, а его ружьё и голова в каске застряли между булыжниками.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на улицу искать солдатика, но как ни старались, найти его не могли.

Один раз они даже чуть не наступили на солдатика и всё-таки не заметили его. Если бы солдатик крикнул: «Я тут!», они, конечно, сейчас же нашли бы его. Но он считал неприличным кричать на улице — ведь он был солдат и носил мундир.

Тут пошёл дождь, настоящий ливень. По улице потекли ручьи.

А когда наконец дождь кончился, к тому месту, где между булыжниками торчал оловянный солдатик, прибежали двое мальчишек.

— Эге! — сказал один из них. — Смотри — оловянный солдатик! Давай-ка отправим его в плавание!

И они сделали из старой газеты лодочку, посадили в нее оловянного солдатика и пустили в канавку. Лодочка поплыла, а мальчики побежали рядом и захлопали в ладоши.

Лодочку подхватило быстрым течением и понесло. Вода в канаве так и бурлила. Ещё бы ей не бурлить — после такого ливня!

Оловянный солдатик в лодочке весь дрожал, но держался стойко, как полагается настоящему солдату: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

И вот лодочку занесло под широкий-широкий мост; стало так темно, точно солдатик опять попал в свою коробку.

«Куда меня несёт? — думал он. — Это всё проделки гадкого чертёнка из табакерки. Ах, если бы со мною в лодке сидела красавица плясунья, я ничего бы не боялся, даже если б стало ещё темнее!»

В эту минуту из-под моста выскочила большая водяная крыса.

— Это кто такой? — закричала она. — А паспорт у тебя есть? Давай сейчас же паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и крепко сжимал ружьё. Лодку его несло всё дальше и дальше, а крыса плыла за ним вдогонку. Она свирепо щёлкала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держите, держите его! У него нет паспорта!

Тут лодочку понесло ещё быстрее, и оловянный солдатик наконец увидел впереди свет. Мост кончился. Но в эту минуту послышался такой страшный грохот, от которого задрожал бы любой храбрец. Подумать только! За мостом канавка впадала прямо в большой бурный канал. По таким волнам солдатiku в маленьком бумажном кораблике плыть было так же опасно, как нам в настоящей лодке нестись к большому водопаду. Остановиться было уже невозможно. Лодку с оловянным солдатиком вынесло в большой канал. Но солдатик по-прежнему держался молодцом и даже глазом не сморгнул.

Лодочка завертелась на месте, два-три раза зачерпнула воды и скоро наполнилась водой до краёв. Вот солдатик уже по пояс в воде, вот уже по горло. И наконец вода накрыла его с головой.

С грустью подумал солдатик о своей красавице. Не видать ему больше милой плясуньи! В последнюю минуту вспомнил он солдатскую песню:

Шагай вперёд, всегда вперёд!
Тебя за гробом слава ждёт!

И он приготовился с честью погибнуть в страшной пучине.

Но его подстерегала другая беда.

Из воды вынырнула большая рыба и мигом проглотила солдатика.

О, как темно и тесно было в желудке у рыбы! Темнее, чем под мостом, теснее, чем в коробке. Но оловянный солдатик и тут держался стойко. Он вытянулся во весь рост и ещё крепче сжал своё ружьё. Так он пролежал довольно долго. Вдруг рыба заметалась во все стороны, стала нырять, извиваться прыгать и наконец замерла.

Опять прошло немало времени. Солдатик соскучился и задремал.

Проснулся он оттого, что над ним, как молния, сверкнул острый нож. Стало совсем светло, и кто-то закричал:

— Вот так штука! Оловянный солдатик!

А дело было так: рыбу поймали, свезли на рынок, а потом она попала на кухню. Кухарка распорола ей брюхо большим ножом и вдруг увидела оловянного солдатика. Она взяла солдатика двумя пальцами поперёк живота и понесла в комнату.

Весь дом сбегался посмотреть на замечательного путешественника. Солдатика поставили на стол, и вдруг — каких только чудес не бывает на свете! — он увидел ту же комнату, того же мальчика, то же

самое окно, из которого недавно вылетел. Вокруг были те же игрушки, а среди них гордо возвышался чудесный картонный дворец, и на пороге стояла красавица танцовщица. Она стояла по-прежнему на одной ножке, высоко подняв другую. Вот это стойкость!

Оловянный солдатик так растрогался, что из глаз у него чуть не покатались оловянные слезы, но он вовремя вспомнил, что солдату плакать не полагается. Не мигая смотрел он на танцовщицу, она смотрела на него, и оба молчали.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, его подучил злой чертёнок из табакерки. В печке ярко пылали дрова, и оловянному солдатiku стало ужасно жарко — от огня или от любви, он и сам не знал. Краски с него совсем сошли, он весь полинял — может быть, от огорчения, а может быть, оттого, что побывал в воде и в желудке рыбы. Но и тут он держался прямо, сжимал своё ружьё и не сводил глаз с прекрасной плясуньи, а плясунья смотрела на него. И вдруг солдатик почувствовал, что он тает в огне.

В эту минуту дверь в комнате распахнулась настезь, сквозной ветер подхватил прекрасную танцовщицу, и она, как бабочка, порхнула в печку прямо к солдатiku. Пламя охватило её, она вспыхнула — и конец. Тут уж и оловянный солдатик совсем расплавился.

На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, черную, как уголь, брошку. Это было всё, что осталось от стойкого оловянного солдатика и его прекрасной плясуньи.

ДИКНЕ ЛЕБЕДИ

алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями на золотых досках и отлично умели читать — и по книжке и без книжки, на память. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стоила полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям! Но скоро всё пошло по-другому.

Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха. Они затеяли игру в гости и попросили королеву дать им пирожных и печёных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит с вас и этого!

Прошла ещё неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила её в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом злая мачеха стала наговаривать королю на бедных принцев и насказала столько дурного, что король не захотел больше и видеть своих сыновей.

И вот королева велела позвать принцев, и когда они приблизились к ней, она крикнула:

— Пусть каждый из вас превратится в чёрного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести своё злое дело. Принцы превратились не в безобразных воронов, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто их не слышал и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры. Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой тёмный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь неё на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распустившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас?

И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали её домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна её падчерица, и ещё больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и

её братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе:

— Когда Элиза войдёт в купальню, сядь ей на голову — пусть она сделается такой же тупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец её не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злой, чтобы никто её не любил.

И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зелёной и мутной. Королева позвала Элизу, раздела её и велела ей войти в воду. Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем чёрной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь бы никто не мог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на неё, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней, да ласточки, которых она часто кормила крошками, прошебетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей идти. Она всё думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома. Элиза решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пенёк. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, точно зелёные огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жучки посыпались с листьев звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали, и люди выскакивали со страниц книги и разговаривали с Элизой и её братьями; но как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько разглядеть его за густой листвой деревьев. Только иногда солнечные лучи пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве. Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода в ручейке была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка — так ясно они отражались в спокойной воде.

Элиза увидела в воде своё лицо и очень испугалась — такое оно было чёрное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воды, потёрла глаза и лоб, и лицо у неё опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с неё сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натёрла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подперла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единый солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда ещё Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и вдруг встретила старушку с корзинкой ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу реки.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась: что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мел-

кие камешки. Вода стёрла острые края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твёрдый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твёрдые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно трудиться. Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях еще блестели капли — росы или слез, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая чёрная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда становится оно зелёным, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно лёгкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебедя сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебеди спустились неподалёку от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту самую минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев. Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала своих братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их всех по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестрицу, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и её братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всём, что с ними случилось.

Самый старший из принцев сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы превращаемся снова в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы мы превратились в людей в то время, когда летим высоко под облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разби-

лись. Живём мы не здесь. Далеко-далеко за морем лежит такая же прекрасная страна, как эта. Вот там-то мы и живём. Но дорога туда длинна, надо перелететь через всё море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря высится одинокий утёс. Он так мал, что мы можем стоять на нём, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но всё же, если бы не было этого утёса, нам никогда не удалось бы побывать на нашей родной

земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца. Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зелёным лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробыли здесь уже девять дней. Через два дня

мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

— О, если бы я могла освободить вас от чар! — сказала братьям Элиза.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был самый младший из её братьев. Лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, а к вечеру прилетели десять лебедей, и когда солнце село, они вновь превратились в принцев.

— Завтра мы должны улететь и не посмеем вернуться раньше будущего года, — сказал Элизе старший брат, — но мы не покинем тебя здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы все одиннадцать на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в неё Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили её, одиннадцатый лебедь летел над её головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, — так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежала ветка со спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев — их собрал и положил возле Элизы самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Высоко, под самыми облаками, летели братья и сестра, и первый корабль, который они увидели в море, показался им плывущей по воде чайкой.

Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но всё-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру. День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось всё ниже и ниже, а одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И вот Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями.

Зайдёт солнце, её братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виновой!

Приближалась чёрная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния.

Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они ещё летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утёс. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утёса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось о камни и окатывало братьев и Элизу целым дождем брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по тёмно-зелёной воде.

Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окруженный легкими, словно воздушными, галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы. Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза взгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой.

Но вот наконец показалась и настоящая земля. Там, на берегу, расстились зелёные поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было ещё далеко, а Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры вились нежно-зелёные растения, как будто вышитые зелёные ковры. Это был прекрасный дом её братьев-лебедей.

— Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь, — сказал младший брат и отвёл Элизу в её опочивальню.

— Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! — сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала Фата-Моргана, — но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и всё-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твоё сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растёт здесь возле пещеры, и только она да ещё та крапива, которая растёт на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои покроются волдырями от ожогов; потом разомни её ногами и свей из неё длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы, набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же всё это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой.

Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и пальцы её покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала целую охапку крапивы, потом размяла её голыми ногами и стала вить длинные зелёные нити.

Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. Они стали спрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было. Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его

капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд. Скоро у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны; он подошёл к Элизе. Никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой — она ведь не смела говорить: если бы она сказала хотя бы одно слово, ее братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

— Пойдём со мной! — сказал король. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце.

И он посадил её на седло перед собой.

Элиза горько плакала, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввёл Элизу в свой дворец. В высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на её обожжённые пальцы тонкие перчатки.

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нащёптывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья — она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он подал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной. Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где король нашёл Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетённая Элизой рубашка. Всё это, как диковинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

— Тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище, — сказал король. — А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетённую рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал её к своей груди.

Епископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно

надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого.

Она все думала о своих милых братьях. Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в её глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему всё больше и больше. О, если бы она могла рассказать о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой. Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у неё больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ.

Утром епископ пришёл к королю и рассказал ему о том, что он видел сегодня ночью.

— Прогони её, король, она злая колдунья! — нашептывал епископ.

— Неправда, Элиза невинна! — ответил король, но всё же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие ночи повторилось то же самое; король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился всё мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на её королевское платье катились горькие слёзы, блестящие, как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, завидовали ей. Но скоро-скоро конец её работе. Уже десять рубашек было готово, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Ещё раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и всё-таки решилась идти туда.

Ночью Элиза опять вышла тайком из дворца, но король и епископ

следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

— Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья, — сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в тёмное, сырое подземелье с железными решётками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки — постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу.

Вечером у решётки раздался шум лебединых крыльев. Это самый младший из братьев отыскал свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости, хотя и знала, что ей оставалось жить всего одну ночь. Зато работа её подходила к концу, и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, сжалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король ещё спал, и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить. Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чём дело. Но в эту минуту взойшло солнце, и братья Элизы исчезли. Король увидел только, как над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шёл за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо её было бледно, как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

— Посмотрите на ведьму! — кричали в толпе. — Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвём в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зелёную рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

ганный народ расступился в стороны.

31

— Белые лебеди слетели с неба! Она невинна! — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зелёные рубашки, и чуть только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красавцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела дотрести рукав на последней рубашке.

— Теперь я могу говорить! — сказала Элиза. — Я невинна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять её, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была так измучена страхом и болью.

— Да, она невинна! — сказал самый старший принц и рассказал всё, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зелёный куст, покрытый красными розами. А на самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал ещё ни один король!

